

**АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
АРТЕМ ДРАБКИН
22 ИЮНЯ
ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ
КАЛЕНДАРЯ**

Правдивая история России

Алексей Исаев

22 июня. Черный день календаря

«Яуза»

2008

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

Исаев А. В.

22 июня. Черный день календаря / А. В. Исаев — «Яуза»,
2008 — (Правдивая история России)

ISBN 978-5-00155-128-7

22 июня 1941 года. Это воскресенье навсегда обозначено в отечественных календарях черным траурным цветом. Это – одна из самых страшных дат в нашей истории. Это – день величайшей военной катастрофы. Как такое могло случиться? По чьей вине гитлеровцам удалось застать СССР врасплох? Почему немецкой авиации позволили в первый же день войны безнаказанно расстрелять на аэродромах сотни наших самолетов, а многочисленные дивизии Красной Армии были смяты и разгромлены в считанные недели? Как случилось, что колоссальная военная машина Советского государства дала сбой в самый ответственный момент?.. Подробная, по часам и минутам, хроника трагических событий 22 июня 1941 года и анализ причин разгрома, воспоминания ветеранов и свидетельства очевидцев трагедии – в совместном проекте ведущих военных историков.

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-00155-128-7

© Исаев А. В., 2008
© Яуза, 2008

Содержание

На пути к войне	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Исаев, Артем Драбкин

22 июня. Черный день календаря

На пути к войне

Если во время войны операции планируются неделями, в лучшем случае несколькими месяцами, то план первой операции готовится годами. Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Разработка плана войны с СССР началась в августе-сентябре 1940 г. В декабре того же года он оформился в Директиву № 21, известную как план «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». После уничтожения главных сил Красной армии предполагалось оккупировать территорию СССР по линии Архангельск – Астрахань. Мобилизационные способности СССР, т. е. возможности создания новых соединений, расценивались как не позволяющие восстановить армию после такого разгрома. Выделенные для «Барбароссы» немецкие войска были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». Также к операции привлекались войска союзников Германии: Румынии, Венгрии и Финляндии.

Руководство СССР правильно оценивало Германию как основного потенциального противника. Как, впрочем, и многие советские люди. Однако успешная антифашистская пропагандистская кампания, которая после прихода Гитлера к власти и его расправы над немецкими коммунистами рисовала гитлеризм в качестве наиболее вероятного врага советского народа на западе, в 1939 г. была свернута. Закрепленный в массовом сознании стереотип фашизма как врага номер один после заключенного в 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа стал размываться. Отношение к Гитлеру не стало лучше, но вера в непогрешимость действий советского руководства способствовала восприятию большинством советских людей договора как гарантии неприкосновенности границ. В ходу были такие фразы: «Войны не может быть, ведь с немцами же заключили договор о ненападении». «Мы же торгуем с Германией и доставляем ей хлеб, нефть, уголь. Какая может быть война?» «Молотов недаром ездил к Гитлеру. Они договорились о мире». Очень боялись спровоцировать немцев на развязывание войны. Вспоминает ветеран ВОВ В.Ф. Бухенко: «... после заключения «пакта о ненападении» с Германией делалось все возможное для его соблюдения и чтобы не допустить ни малейшего повода для провокации. У меня, например, был такой случай. В – техникуме мне дали путевку в летний лагерь отдыха. Там организовывались всевозможные концерты самодеятельности. Я знал одно

стихотворение о революционной борьбе немецкого народа и решил с ним выступить в одном из таких концертов. Так меня предварительно прослушали на предмет того, чтобы проверить, нет ли чего в этом стихотворении обидного или провокационного для немцев. Представьте, даже в студенческих лагерях думали о таких вопросах, чтобы не дать Германии лишнего повода для начала войны!»

Усугубляло ситуацию восприятие немцев в виде неоднородной группы, в которой часть населения – пролетариат и крестьянство – сочувственно относится к советским людям. Венер писал: «Всякий, имевший глаза, чтобы видеть, мог заметить в период расцвета немецко-русского пакта признаки не только внутреннего родства тоталитарных методов, но и фундаментального безумия многих русских коммунистических пропагандистов. Русская функционерка Самойлович, имевшая возможность посетить польские области (оккупированные Красной Армией. – В. Р.), рассказывала мне, что немецкие солдаты с завистью смотрели на звезды советских солдат и что красноармейцы целого полка (?) доложили на поверке, что они отдали свои пуговицы и звезды на память немецким солдатам, которые их об этом просили. Из таких эпизодов, истинность которых невозможно было проверить, делался вывод, что немецко-советская «дружба» должна привести к смягчению положения внутри Германии и что прорусские симпатии среди немецкого населения смогут стать препятствием на пути возможных восточных планов Гитлера». Ветеран Великой Отечественной войны Майданик Лев Исакович вспоминал: «Как-то утром сидели мы на лесной полянке во время политзанятий. Разговор шел о заключенном с Германией договоре о ненападении. Начались вопросы. Задал вопрос и я:

– Товарищ старший политрук, почему непрерывно идут в Германию эшелоны с нашим зерном, лесом, рудой и многим другим?

Старший политрук посмотрел на меня, почему-то улыбнулся и, как мне показалось, совсем некстати спросил:

– Тебе сколько лет?

– Скоро двадцать исполнится, товарищ старший политрук.

– Ну вот, значит, тебе только двадцать лет. И ты не понимаешь, что немецкий пролетарий, который ест русский хлеб, никогда на Россию руку не поднимет, это и есть пролетарская солидарность. В таком случае не будет воевать немецкий рабочий против русского рабочего. Поэтому и идут эшелоны с хлебом и прочим в Германию. Ясно?

– Ясно, товарищ старший политрук, – пробормотал я».

В целом можно говорить, что перед войной в сознании основной массы мужского населения 1919–1922 гг. рождения (а именно они приняли первый удар немецких войск) не было сформировано четкого образа врага. В этом плане бойцы и командиры Красной Армии безоговорочно уступали солдатам вермахта, руководствовавшимся простыми и ясными формулировками, как, например, приказ генерала Гепнера: «...борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью... Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...» Здесь уместно привести слова Н.И. Обрынбы: «Начало войны и подготовка людей к убийству, ожесточение – это перестройка всей психики человека, и происходит она мучительно и достаточно долго. Мы не были подготовлены к войне не столько технически, сколько морально, и для перевоспитания людей требовалось время. Это один из факторов, давших возможность немцам в первые дни войны ошеломить нашу армию». Требовалось научить людей ненавидеть. Ведь ненавидеть – это не значит сердиться и ругать, ненависть – это решимость вступить в борьбу. Когда человек находит свое личное место в схватке с врагом не только личным, а врагом твоего народа, твоей родины. Нужно сделать врага «плохим», потому что иначе воевать невозможно, поскольку убийство человека табуируется общепринятыми нормами человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики. Однако врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые

эти нормы распространяются. В общественном сознании (в том числе и в массовом бытовом) враг наделяется свойствами, «противными человеческой натуре». Действительно отрицательные его качества гипертрофируются, а качествам, по обычным «мирным» меркам оцениваемым положительно, придается негативный смысл. При этом механизм конструирования образа врага, как правило, универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т. п.), а также собственного превосходства, которое должно стать основанием для победы над неприятелем. И то и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности»

Отсутствие четко сформированного образа врага накладывалось в сознании людей на гипертрофированную уверенность в силе Красной Армии, которая врага разгромит: «малой кровью, могучим ударом». Основана такая уверенность была на грамотно построенной пропаганде успехов Красной Армии в локальных конфликтах и одновременном замалчивании неудач. Не говоря уже о том, что профессия военного к концу 30-х гг. была одной из самых престижных и высокооплачиваемых. Вспоминает М.Л. Сандлер: «Все солдаты были хорошо одеты, обуты в сапоги. Кормили в армии даже лучше, чем мы бы питались на «гражданке». Кашу с мясом ели каждый день, кроме так называемого «рыбного» дня. Солдатам выдавали махорку, платили жалованье, кажется – семь рублей в месяц. На эти деньги покупали зубной порошок, подворотнички, но папирос приобрести себе позволить не могли, поскольку пачка стоила 35 копеек. Я не помню, чтобы были разрешены денежные переводы из дома. Помкомвзвода получал 36 рублей в месяц, старшина-сверхсрочник имел зарплату чуть ли не 500 рублей + паек. Многие ребята стремились остаться в армии на сверхсрочную службу». А ведь в стране карточную систему распределения продовольствия отменили только в конце 30-х гг. Трудно было купить более или менее приличную одежду. Зимой люди носили «перелицованную», то есть переделанную из старой, еще дореволюционной, одежду, летом щеголяли в старой красноармейской форме или надевали полотняные брюки и парусиновые туфли. В городах жили скученно – по пятьдесят семей в бывших барских квартирах, а новое жилье почти не строилось.

Берлин, 22 июня 1941 г. Через несколько минут немцы узнают о том, что началось вторжение в СССР.

Вот что вспоминает ветеран ВОВ, житель города Тула Р.И. Жидков: «Я – обыкновенный, стандартный парень того времени. Любил технику и занимался в кружках: авиамodelьном, радио. Тогда было так: чтобы поступить в кружок, надо было показать дневник. Плохо учишься – тебя не возьмут, или если двойку получил, гуляй, пока не исправишь.

В футбол играли «улица на улицу». Камера была. Каждый по неделе отвечал за мяч: чинил его – это очень ответственное занятие. Кожу надо шить, а если стянешь, то мяч огурцом будет, и ребята тебе морду набьют. Инвентаря не было. Продукты были – питались нормально.

Велосипед, карманные часы и сетевой приемник – вот предметы роскоши и зависти тех дней. В Туле на первом месте был велосипед.

Мужики ходили в цирк, на борьбу. Цирк в Туле еще Поддубный построил. На первые два отделения мастеровые, рабочие отдавали билеты нам, мальчишкам, и мы смотрели на выступления актеров и зверей, а перед третьим отделением, в котором должна была быть борьба, мы выходили на улицу и отдавали билеты.

Потом нас взяли в спортивное общество «Пищевик» в детскую футбольную команду. Одели – форма, гетры, бутсы. Играли уже на стадионе. Потом я попал в юношескую команду. У меня получалось по правому краю. Сдавали нормативы ГТО, БСО, ЮВСО (юный Ворошиловский стрелок) – это было развито».

В деревне жизнь была еще более тяжелой, хотя многие, в том числе и Д.Я. Булгаков, в то время житель Курской области, вспоминают, что перед войной стало немного полегче жить: «В 1937 г. был хороший урожай – на трудодень дали по 3 килограмма хлеба! Люди подкрепились. В 1938 г. урожай был послабее, но тоже ничего. В 1939 г. стали в магазины завозить побольше товаров. Что для меня тогда было лакомством? Белый хлеб! Булка, сахар, конфеты (леденцы-горошек)! Любая конфетка, булочка, пряник – это было для нас лакомство. Ждали, когда кто

поедет в город, в райцентр, привезет гостинец. Были ли у меня часы, велосипед, патефон, радиоприемник? В 1941 г. брат приехал в отпуск и привез патефон. Это было что-то такое необыкновенное! Полсела приходило слушать! В селе патефон был богатством. Велосипед был у учителей, начальника почты и у детей директора школы. Кататься нам они не давали. Кое у кого были настенные ходики. Наручные часы только у интеллигенции: фельдшера, директора школы. У учителя были часы на цепочке».

Армия не только могла одеть, обуть и накормить еще не окрепших от голода начала 30-х мальчишек, но и дать новую специальность. Вспоминает ветеран войны А. С. Бурцев: «Каждый из нас мечтал служить в армии. Я помню, после трех лет службы из армии возвращались другими людьми. Уходил деревенский лопух, а возвращался грамотный, культурный человек, отлично одетый, в гимнастерке, в брюках, сапогах, физически окрепший. Он мог работать с техникой, руководить. Когда из армии приходил служивый, так их называли, вся деревня собиралась. Семья гордилась тем, что он служил в армии, что стал таким человеком. Вот что давала армия».

На фоне других военных особенно выделялись летчики и танкисты. Летчики носили униформу синего цвета, а танкисты серо-стального, так что их появление на улицах городов и поселков не оставалось незамеченным. Они выделялись не только красивой униформой, но и обилием орденов, в то время бывших огромной редкостью, потому что были активными участниками многих «малых войн», к которым СССР имел тайное или явное отношение.

Их прославляли в фильмах – таких, как «Горячие денечки», «Если завтра война», «Истребители», «Эскадрилья номер пять» и других. Романтичные образы танкистов и летчиков создавали такие суперзвезды советского кино, как Николай Крючков, Николай Симон. Крючков в «Трактористах» играет демобилизовавшегося танкиста, для которого «на гражданке» открыты любые дороги. Ключевой момент фильма – рассказ его героя, Клима Ярко, колхозникам о скорости и мощи танков. Картина завершается сценой свадьбы танкиста и лучшей девушки колхоза. В финале вся свадьба поет популярнейшую песню тех времен: «Броня крепка, и танки наши быстры». «Горячие денечки» рассказывает о танковом экипаже, остановившемся для ремонта в деревне.

Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс зачитывает обращение Гитлера к народу.

Главный герой – командир экипажа. Он – бывший пастух. Только служба в армии открыла перед ним широкие перспективы. Теперь его любят самые красивые девушки, на нем роскошная кожаная куртка (до середины 30-х гг. советские танковые экипажи носили черные кожаные куртки из «царских» запасов). Разумеется, в случае войны герой будет громить любого врага с той же легкостью, с какой покорял женские сердца или достигал успехов в боевой и политической подготовке.

В то время искусство вообще, а кино в особенности имело огромное влияние. Тот факт, что основную массу рядового состава армии составляла малограмотная молодежь, которую отличала слепая вера в установленный общественный строй и его руководителей (ведь даже среди офицерского состава лишь 7 % командиров имели высшее военное образование, а более трети не получили даже законченного среднего специального), позволял легко манипулировать сознанием. Патриотические песни из таких кинофильмов, как «Если завтра война», да и сами ленты, воспевающие непобедимость Красной Армии, вызывали самоуспокоение и восприятие грядущей войны как парадного шествия. «Когда объявили о начале войны, я посчитал, что завтра-послезавтра будем в Берлине. Еще подумал: «Надо почистить сапоги, чтобы офицер был в блеске», – вспоминал лейтенант-артиллерист А.С. Хоняк.

Психологический климат в армии также сильно отличался от привычного нам, во многом наследовав черты революционного равноправия между командующим и рядовым составом. Вспоминает В.М. Синайский: «...помогало то, что не было градации между офицерами и солдатами. Все мы были – красноармейцы. Были только командиры и рядовые. Когда однажды на улице к нам обратилась какая-то женщина с просьбой что-то ей показать и назвала нас солдатами, один из наших товарищей сказал: «Мамаша, мы не солдаты, мы – красноармейцы. Солдат и офицеров наши отцы и деды били в Гражданскую войну». Взаимоотношения между командирами и рядовыми, я бы сказал, были почти дружеские. В гарнизоне был Дом Красной Армии, переступив порог которого, ты становился равноправным членом коллектива. Там были спортивные залы, кинотеатр, ресторан, танцевальные залы. И, придя в Дом Красной Армии, мы, рядовые, могли танцевать с женами командиров, вместе закусывать в буфете. Такой же порядок был и в санчасти. Если кто-то заболел и попадал туда, врач прежде всего говорил: «Забудьте, что вы командиры или рядовые, здесь вы все – больные военнослужащие. Для меня вы все равны».

Учеба в школе проходила напряженно, но нам очень активно помогали «старики», которые заботились о нас, называли нас желторотиками и всячески обучали военной премудрости. Например, когда мы приехали в гарнизон и попали впервые в наряд, надо было мыть пол в казарме. В спальне было 120 коек. Это была не комната, а громадный зал. Мы, естественно, взяли ведра, тряпки – нас было 12 человек – разлили по полу воду и стали тряпками что-то там делать. Пришли «старики», засмеялись: «Эх, вы, желторотики, так вы будете до вечера мыть». Позвали несколько человек – пришло четверо или пятеро. Взяли швабры, встали в ряд и погнали воду. И треть зала вымыли за 10–15 минут. «Вот, как надо!» – сказали «старики».

Помогали они нам и при обучении стрельбе. Стреляли мы кое-как. Вначале было очень сложно, потому что пулемет при стрельбе вело. И устранять задержки было трудно. Пулемет ШКАС был скорострельный, но у него было 48 типов задержек. Часть из них устранимых, часть неустранимых. И вот однажды, когда мы в оружейной палате разбирали и собирали пулеметы и учились устранять задержки, пришел старшина, отвоевавший в Финляндии и списанный по ранению. Зашел посмотреть, как мы учимся. С усмешкой посмотрел, как мы возимся с пулеметами, и сказал: «Ну, куда вам. Так, как вы работаете, с одного захода вас собьет истребитель».

Почему? Вы же с задержкой возитесь сколько!» – «Как надо?» – «Надо мгновенно задержку устранить. Иначе вы безоружны». – «Ну покажи нам, как надо». – «Делайте задержку, дайте пулемет и завяжите глаза». Раз-два – и задержка была устранена. Вот так нас учили «старики».

Однако многое изменилось, когда в конце тридцатых годов СССР начал увеличивать армию, готовясь к грядущей «большой войне». Армии приграничных округов пополнились за счет молодежи призывного возраста только что присоединенных республик. Естественно, что их лояльность по отношению к новой власти была более чем сомнительна.

По воспоминаниям М.Л. Сандлера: «В сороковом году в армию пришло много «западников» и был поток новобранцев из Средней Азии (до этого среднеазиаты, как правило, служили только в национальных территориальных дивизиях). Многим тяжело давался русский язык или азы овладения техникой. Никаких насмешек над ними не строили, терпеливо все разъясняли».

Кроме того, волна репрессий, хоть и не была столь масштабна количественно, как это принято изображать, привела к значительным изменениям в командном составе, причем, наиболее пострадавшее среднее и старшее командное звено пополнилось в основном из среды младших командных кадров, не успевших приобрести ни достаточного опыта, ни соответствующих навыков. Младший комсостав был в основном сформирован за счет досрочных выпускников, курсантов военных училищ (приказ наркома обороны маршала С.К.Тимошенко от 14 мая 1941 г.), выпускниками краткосрочных курсов младших лейтенантов и курсов командиров запаса. Учитывая увеличение армии почти в пять раз по сравнению с уровнем 1934 г., сложно ее рассматривать как «кадровую».

Весть о войне с СССР не вызвала у простых берлинцев энтузиазма.

Вдобавок ко всему мощнейший удар был нанесен по престижу элиты армии – летчикам приказом наркома обороны Тимошенко № 0362 «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии». В соответствии с этим приказом всем выпускникам училищ вместо звания «младший лейтенант» или «лейтенант» присваивалось звание «сержант». Летчики, не прошедшие четыре года службы, обязаны были жить в казармах. Соответственно изменялись и нормы довольствия, оклады, они лишены были права надеть ту самую форму с «курицей» на рукаве. Многими это было воспринято как лич-

ное оскорбление. Летчики отказывались надевать знаки различия, ходили с пустыми петлицами в знак протеста. Часто бывало, что техники-лейтенанты вынуждены были докладывать о состоянии самолета своему командиру – сержанту, что несомненно являлось грубейшим нарушением основного армейского принципа – субординации. Вспоминает ветеран ВОВ И.Д. Гайдаенко: «В декабре вышел известный приказ наркома обороны Тимошенко. Меня, лейтенанта, командира звена, орденоносца, посадили в казарму! Причем, так как я был командиром звена, меня еще назначили страшим по казарме. Ох, хватил же я горя с этой срочной службой! Представляешь, приехали из училищ лейтенанты-летчики, пришли летнабы, а тут приходит приказ, и их разжалуют в сержанты. Мало того, что запикивают в казарму, так еще и звание снимают! Это ж позор перед девушками, знакомыми, родными! Конечно, дисциплина после этого резко упала. Трудно мне было держать эту банду молодых летунов. Конечно, то, что положено по программе летной подготовки, мы выполняли, но летчики ходили в самоволки, пьянствовали. Причем, если на выпивку не хватало денег, то ребята что-нибудь продавали из постельного белья (общежитие летного состава здесь было оборудовано, как надо: одеяла новенькие, подушки, простыни). Бардак, одним словом... Один у нас комсомолец отличился. Его вызвали на собрание: «Что же ты пьешь, безобразничаешь? Мы тебя исключим из комсомола!» А он ответил: «Подумаешь! Исключайте! А я буду беспартийный большевик!» Думаю, меня здорово спасло начало войны, а то бы посадили меня за недостачу казенного имущества...»

Вот такими разношерстными, с противоречивым сознанием, раздвоенной моралью, дезориентированными в оценке характера, длительности будущей войны и реального противника подошли воины 1919–1922 гг. рождения, составлявшие основу Красной Армии к 22 июня 1941 г.

Высшее руководство, хоть и было лучше осведомлено о реальном положении дел, чем простые граждане и рядовой состав Красной Армии, не питало необоснованных иллюзий. Однако и оно не представляло себе в полной мере всех перспектив разворачивавшихся событий. Не были подготовлены и теоретические основы управления страной в кризисной ситуации.

Газета с обращением Гитлера к солдатам Восточного фронта.

Руководство СССР предполагало, что главный удар будет нанесен на западном направлении, через Белоруссию на Москву. Сообразно этому советский план первой операции предусматривал нанесение удара с территории Украины в оккупированную Германией южную Польшу. Разгром германских войск на этом направлении должен был заставить их прекратить наступление в Белоруссии. Организационно войска западных округов СССР на границе с Германией разделялись на три объединения: Прибалтийский, Западный и Киевский особый военные округа. В случае войны они преобразовывались соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. В мирное время в особых округах у границы находились только так называемые армии прикрытия. Для проведения первой операции в случае войны требовались мобилизация и сбор в особых округах войск со всей европейской части страны.

Планы прикрытия. В период сосредоточения и развертывания войск для грядущей первой операции границу предполагалось прикрывать от возможных вылазок противника быстро мобилизуемыми дивизиями приграничных армий. Задачами этих соединений было: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника». Разработки, по которым приграничные армии должны были действовать, пока из глубины страны подтягиваются основные силы для реализации планов первой операции, получили название «планов прикрытия государственной границы». До определенного момента мероприятия по прикрытию линии границы включались в план действий войск округа в случае войны отдельным разделом. В частности, соответствующие пункты мы обнаруживаем в записке начальника штаба Киевского особого военного округа М.А. Пуркаева. В 1941 г. эта схема была видоизменена. В начале мая 1941 г. в округа были направлены директивы наркома обороны на разработку планов прикрытия как отдельных документов. В Киевский особый военный округ эта директива была направлена 5 мая 1941 г., Одесский военный округ получил аналогичный документ 6 мая 1941 г. Сроком предоставления готовых планов обороны на период сосредоточения и развертывания в Генштаб было назначено 25 мая. Реально округа предоставили разработанные ими пакеты документов 10–20 июня 1941 г. Однако это не означает, что войска вступили в бой, не имея конкретных боевых задач. Армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены. В ходе опроса, проводившегося Военно-научным управлением Генерального штаба в 50-х гг., бывший начальник оперативного отдела штаба КОВО И.Х. Баграмян достаточно подробно описал вопрос с постановкой задач войскам округа: «План обороны государственной границы был доведен до войск, в части их касающейся, следующим образом: войска, непосредственно осуществлявшие прикрытие, [...] имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно; остальные войска округа (пять стрелковых корпусов, семь далеко не закончивших формирование механизированных корпусов и части усиления) [...] имели хранимый в сейфе соответствующего начальника штаба соединения опечатанный конверт с боевым приказом и всеми распоряжениями по боевому обеспечению поставленных задач. План использования и документация во всех подробностях разрабатывались в штабе округа только для корпусов и дивизий. Исполнители о них могли узнать лишь из вложенных в опечатанные конверты документов после вскрытия последних». Именно приказы частям и соединениям по плану прикрытия находились в «красных пакетах», которые должны были вскрывать командиры в первый день войны.

Надо сказать, что в некоторых случаях даже весьма ограниченные по своему значению планы прикрытия не были соответствующим образом доведены до исполнителей. Вот что говорит об этом в своих воспоминаниях командующий 8-й армией Прибалтийского особого воен-

ного округа генерал П.П. Собенников: «28 мая 1941 г. я был вызван с начальником штаба генерал-майором Г.А. Ларионовым и членом Военного совета дивизионным комиссаром С.И. Шабаловым в штаб округа, где командующий войсками генерал-полковник Ф.И. Кузнецов наспех ознакомил нас с планом обороны... Все это проходило в большой спешке и несколько нервной обстановке. План был получен для ознакомления и изучения начальником штаба. Он представлял собой довольно объемистую толстую тетрадь, напечатанную на машинке. Примерно через 1,5–2 часа после получения плана, не успев еще с ним ознакомиться, я был вызван к генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову, который принял меня в затемненной комнате и с глазу на глаз продиктовал мое решение. Последнее сводилось к тому, что главные усилия сосредоточивались на направлении Шяуляй, Таураге (125-я и 90-я стрелковые дивизии), и прикрытии границы от Балтийского моря (м. Паланга) на фронте около 80 км 10-й стрелковой дивизией 10-го стрелкового корпуса.

Первая ракета. Вторжение началось!

48-ю стрелковую дивизию предполагалось к началу войны перебросить на левый фланг армии и увеличить фронт обороны левее 125-й стрелковой дивизии (прикрывавшей основное направление Шяуляй, Таураге) до реки Неман у города Юрбаркас (левая граница армии). Мои записи, а также начальника штаба были отобраны. Мы получили приказание убыть к месту службы. При этом нам обещали, что указания по составлению плана обороны и наши рабочие тетради будут немедленно высланы в штаб армии. К сожалению, никаких распоряжений и даже своих рабочих тетрадей мы не получили».

Последний мирный месяц. Ощущение приближения войны буквально пронизывало и гражданских, и военных. Вспоминает житель Молдавии И. А. Гарштя: «Мы были простые крестьяне, газет не читали, даже радио у нас не было. Например, помню, каким событием стал первый показ в нашем селе кинофильма. Показывали «Петр I», за неимением экрана проецировали фильм на белую стену дома. Так люди потом подходили и трогали эту стену... Мы мало что знали и понимали, но помню, что родители запасали соль, спички, керосин. Еще до начала войны успели уехать почти все евреи из нашего села, но четыре беднейшие семьи остались».

Курсант Тульского оружейно-технического училища Р.И. Жидков так вспоминал те дни: «Сначала война в Эфиопии, потом Финская. Нарастало ощущение надвигающейся войны. Проводились Ворошиловские броски – зимой 25 километров в полной выкладке (20 килограмм) на лыжах. Зачет ставился «повзводно», т. е. по первому и последнему. Последних тащили на ремнях. Это было зверство. Первый раз пошли – четверо в больнице оказались. С января 41 г. нам в училище начали менять график занятий. Матанализ, английский убрали, зато увеличили количество практических часов. С января 41-го начали ходить в патруль на железную дорогу – пошли эшелоны с войсками. Останавливались, не доезжая до станции, выводили лошадей, а мы оцепляли место. Вместо 6 лекционных часов, стало 8—10. Мы почти спали сидя. В конце мая из нашей учебной роты выпустили человек 12 досрочно, присвоив звание лейтенантов».

Особенно остро осознавали нарастание опасности в приграничных округах. Будущий летчик-штурмовик П.Е. Анкудинов вспоминал: «Слухи о грядущей войне постоянно ходили. В апреле я поехал в отпуск к двоюродному брату, Мельникову Владимиру Васильевичу, в Полоцк, где он был начальником политотдела одной из дивизий. Он меня встретил такими словами: «Чего ты приехал? Скоро будет война. Уезжай отсюда». Летом 1941-го брат попал в окружение, а затем руководил партизанской бригадой, которая так и называлась «Бригада Мельникова». Вот другое свидетельство ветерана войны В.А. Виноградова: «Война меня застала в Ровно. Примерно дней за десять до начала войны в полках дивизии по утрам начались тревоги. В пять-шесть часов утра мы выезжали, делали бросок на машинах в сторону границы, – а тогда я служил уже в механизированной дивизии, которая входила в 22-й механизированный корпус, – затем возвращались обратно в казармы, завтракали и приступали к обычным полевым занятиям. Некоторые части 5-й армии, в которую входил корпус, были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу пограничной реки, в районе г. Владимир-Волынского. Сведения эти были тревожными, сообщалось, что на другом берегу сосредотачиваются немецкие войска, все время наблюдается движение, используются оптические приборы для наблюдения за нашей территорией. Были нарушения границы немецкими самолетами. Все это создавало обстановку напряженности.

Граница Литовской ССР. Солдаты вермахта ломают забор, который маскировал строящиеся оборонительные укрепления.

Ночью через Ровно проходили воинские части, летели над Ровно самолеты в сторону границы. Как потом выяснилось, они располагались на прифронтовых, приграничных аэродромах и просто больших полянах. Все это, естественно, подсказывало, что ситуация сложная, что могут быть в самое ближайшее время начаты военные действия. За несколько дней до 22 июня, было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергалось, что немцы собираются на нас напасть. Но мы восприняли это опровержение как подтверждение того, что война приближается и до нее буквально осталось несколько дней. Я решил сходить в фотографию, сфотографировался и отослал домой свои последние фотографии. Фотографии эти уцелели».

Но естественно были те, кто не чувствовал приближение войны. О.Е. Ходько вспоминала: «Окончив педагогическое училище в 1937 г., я начала работать учителем начальных классов в Забородской школе, а через три года меня перевели в Устье, где еще год до начала войны в семилетке я преподавала русский язык и литературу. Ощущения надвигающейся войны не было ни у меня, ни у моих близких. Наоборот, казалось, что тяжелые 30-е годы позади, теперь жизнь начнет налаживаться...»

В штабах округов обладали большим объемом информации, чем любой солдат или командир стоявших у границы соединений. Поэтому окружное командование неоднократно выходило с соответствующими просьбами к высшему руководству. Начальник штаба Одесского военного округа М.В. Захаров вспоминал: «6 июня военный совет Одесского округа обратился к начальнику Генерального штаба за разрешением на передислокацию 48-го стрелкового корпуса на наиболее вероятное направление действий противника. После того как разрешение было получено, 74-я и 30-я стрелковые дивизии и управление корпуса к 15 июня сосредоточились на новых позициях, немного восточнее Бельцы». Отметим, что 30-я дивизия была весной 1941 г. переформирована в горнострелковую, но по многим мемуарам и документам она продолжала проходить как стрелковая. По плану прикрытия 30-я горнострелковая дивизия поступала в распоряжение командира 35-го стрелкового корпуса, 74-я стрелковая дивизия была армейским резервом.

Однако далеко не все решения командования приграничных округов получали поддержку наверху. Иногда их одергивали в достаточно резкой форме. Так, в телеграмме начальника Генерального штаба от 10 июня 1941 г. на имя командующего КОВО указывалась: «... донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреватые всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков». 11 июня командующие приграничными округами получили указания «полосу предполья без особого на то приказа вольными и УР-овскими частями не занимать». 12 июня нарком обороны приказал: «Запретить полеты нашей авиации в приграничной полосе 10 км от госграницы». Последняя мера была, скорее всего, направлена на предотвращение случайного пересечения границы вследствие навигационных ошибок.

Рука об руку с запретительными мерами шли мероприятия по усилению особых округов. 12 июня командование КОВО было извещено о прибытии на территорию округа 16-й армии из Забайкальского военного округа. Поступление эшелонов армии предполагалось в период с 17 июня по 10 июля. Должны были прибыть:

«Управление армии с частями обслуживания; 5-й механизированный] корпус (13,17-я танковые и 109-я моторизованная дивизии); 57-я танковая дивизия; 32-й стр[елковый] корпус (46,152-я стрелковые дивизии, 126-й корпусной артполк)».

Реально сосредоточение войск 16-й армии началось не 17, а 18 июня. Прибытие армии в резерв Юго-Западного фронта закладывалось в предвоенное планирование. Также 16-я армия является примером выдвижения назначенных для первой операции войск до начала боевых действий, которое стало общим местом последних мирных дней и месяцев столкновений различных стран в 1939–1941 гг.

14 июня начальник штаба КОВО генерал-лейтенант М.А. Пуркаев своим телеграфным распоряжением потребовал организовать во всех штабах армий круглосуточное оперативное дежурство. Дежурных предписывалось назначать «только из числа командиров, имеющих оперативную подготовку». В тот же день, 14 июня, в связи с нарастанием угрозы нападения Одесский военный округ получил указание о выделении управления 9-й армии с выводом его в Тирасполь. Утром 20 июня управление (начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров) было поднято по тревоге и под видом командно-штабных учений к исходу дня развернуло командный пункт в заранее оборудованном на случай войны районе, установив связь с соединениями, включенными в состав армии.

Немцы сносят шлагбаум на границе рейха и СССР.

Но наиболее значительным событием 14 июня была публикация в «Известиях» сообщения ТАСС: «Еще до приезда английского посла в СССР г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной прессе стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам, Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними. СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границы СССР с целью нападения на СССР. Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает свои войска у границы последней. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и

Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны. ТАСС заявляет, что: Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место. По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям. СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными. Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по крайней мере, нелепо».

Большинство непосредственных участников событий увидели в этом сообщении только слова, касающиеся военного ведомства: «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Однако сообщение ТАСС ни в коей мере не предназначалось для внутреннего пользования. Для общения с собственным гражданами у руководства страны были совсем другие механизмы с целым штатом толмачей-политруков. Вспоминает А.С. Хоняк: «Перед самой войной я был направлен для дальнейшей службы в Белорусский военный округ. Располагалась наша часть в Кобрине, но в июне мы выехали на летние занятия в лагерь, в район Колки. Там были практические стрельбы, тренировки, занятия – обыкновенная военная учеба. Конечно, напряжение чувствовалось. Особенно после заявления ТАСС от 14 июня, которое подвергало сомнению заявления печати, что немцы перебросили свои войска к нашим западным границам. Это, конечно, было сделано с целью предотвратить провокации». На эзоповом языке дипломатии сообщение ТАСС – это не что иное, как приглашение руководства Германии к переговорам. Либо с целью заключить соглашение по спорным вопросам, либо перевести конфликт в фазу открытого противостояния с бряцанием оружием.

Гробовое молчание в ответ на сообщение ТАСС стало для советского руководства сигналом для начала развертывания войск. В последнюю мирную неделю подготовительные мероприятия шли нарастающим темпом. С середины июня были отменены отпуска личному составу. 13 июня руководство Киевского особого военного округа получило директиву наркома обороны и начальника Генштаба Красной Армии на выдвижение «глубинных» (т. е. находящихся далеко от границы) стрелковых корпусов ближе к границе.

Приказание последовало синхронно с сообщением ТАСС и в случае начала политического диалога выдвижение могло быть отменено. Началось выдвижение «глубинных» соединений округа 17–18 июня. Сроки выдвижения и пункты назначения корпусов были определены следующим образом: «31-й стрелковый корпус из района Коростеня к утру 28 июня должен был подойти к границе вблизи Ковеля. Штабу корпуса до 22 июня надлежало оставаться на месте; 36-й стрелковый корпус должен был занять приграничный район Дубно, Козин, Кременец к утру 27 июня; 37-му стрелковому корпусу уже к утру 25 июня нужно было сосредоточиться в районе Перемышляны, Брезжаны, Дунаюв; 55-му стрелковому корпусу (без одной дивизии, оставшейся на месте) предписывалось выйти к границе 26 июня, 49-му – к 30 июня». По предвоенным планам эти соединения предполагалось сосредоточить в указанных районах «с 4 до 15-го дня мобилизации». Отличия от записанного в планах были следующие. Во-первых, 7-й стрелковый корпус, который по предвоенным планам должен был выдвигаться вместе с

другими «глубинными» корпусами, пока остался на территории Одесского военного округа. Вместо 7-й стрелкового корпуса в состав 12-й армии выдвигался 49-й стрелковый корпус. Вторых, «глубинные» соединения выдвигались в неотмобилизованном состоянии, в численности мирного времени с добавкой резервистов, призванных на «большие учебные сборы».

Перемещения «глубинных» соединений затронули не только Киевский особый военный округ. Точно так же выступали в поход соединения Западного особого военного округа. С.Иовлев, командир 64-й стрелковой дивизии 44-го стрелкового корпуса, вспоминал: «15 июня 1941 г. командующий Западным особым военным округом генерал армии Д.Г. Павлов приказал дивизиям нашего корпуса подготовиться к передислокации в полном составе. Погрузку требовалось начать 18 июня. Станция назначения нам не сообщалась, о ней знали только органы военных сообщений (ВОСО). Погрузка шла в лагерях и в Смоленске. Ничто не говорило о войне, но необычность сборов, не предусмотренных планом боевой подготовки, настораживала людей, и у многих в глазах можно было прочесть тревожный вопрос: неужели война?» 64-я стрелковая дивизия содержалась в сокращенных штатах (6 тыс. человек), и ее боевая ценность была ниже, чем у приграничных дивизий.

Самой важным, можно даже сказать, знаковым мероприятием середины июня 1941 г. стало начало выдвижения войск внутренних округов на рубеж Западной Двины и Днепра. И.Н. Бирюков, командир одного из выдвигавшихся соединений 186-й стрелковой дивизии, вспоминал: «13 июня 1941 г. из штаба Уральского военного округа мы получили директиву особой важности, согласно которой дивизии предстояло выехать в «новый лагерь». Адрес нового расквартирования не был сообщен даже мне, командиру дивизии. И только проездом в Москве я узнал, что наша дивизия должна сосредоточиться в лесах западнее Идрицы, т. е. на рубеже старых укреплений, возведенных вдоль прежней советско-латвийской границы, существовавшей до 1939 г.». Однако решение о перевозке к границе войск внутренних округов безнадежно запоздало и не оказало влияния на события первого дня войны. Вспоминает А.Ф. Пануев, служивший в 17-м гаубичном артиллерийском полку 17-й танковой дивизии, входившей в 16-ю армию: «В мае месяце моя батарея заняла 1 – е место по строевой и огневой подготовке в дивизии. Мне дали отпуск. Погулял недели две – телеграмма: «Срочно прибыть в часть». Я прибыл – 16-ю армию перебрасывали на Запад. Мы погрузились в первых числах июня, и пошли по Транссибирской магистрали на Запад. Нашей танковой дивизии и нашему полку назначение было на Винницу. Тут вышло опровержение в «Правде» о том, что нет переброски. 14 июня – второе опровержение ТАСС. После второго опровержения нас повернули на Турсиб. Все платформы были забиты фанерой – изображали переброску техники для посевной кампании. Нам было запрещено выходить на больших станциях. Эшелон останавливали только на перегонах, там, где можно было взять воду. Когда проходили крупные станции, даже люки закрывали. Жара... июнь... Турсиб...»

Первый раненый. Первый из миллионов.

Волна движения Красной Армии вперед после сообщения ТАСС вскоре затронула приграничные армии. В ночь с 16-го на 17 июня в Киевском особом военном округе выступили из лагеря Киверцы части 62-й стрелковой дивизии 5-й армии. Совершив два ночных перехода, они к утру 18 июня вышли на позиции вблизи границы. Однако рубеж обороны не занимался, и дивизия рассредоточилась в населенных пунктах и лесах. С 17 июня собирал части дивизии в летнем лагере командир 41-й стрелковой дивизии Г.Н. Микушев. 18 июня командующий 5-й армией М.И. Потапов приказал вывести 45-ю стрелковую дивизию с полигона. 18 же июня получила приказ на выдвижение к границе 135-я стрелковая дивизия, составлявшая второй эшелон 27-го стрелкового корпуса 5-й армии. Выдвигалась она в освободившийся после ухода 62-й дивизии лагерь Киверцы. Командир дивизии, генерал-майор Ф.Н. Смехотворов вспоминал после войны: «18 июня 1941 г. 135-я стрелковая дивизия выступила из района постоянного расквартирования (Острог, Дубно, Кременец) и к исходу 22 июня прибыла в Киверцы (в 10–12 км северо-восточнее Луцка)...»

Самые радикальные меры были приняты в Прибалтийском особом военном округе. 18 июня последовал приказ № 00229 командующего округом Ф.И. Кузнецова «О приведении в боевую готовность театра военных действий». Обтекаемая формулировка «театра военных действий» была призвана сгладить впечатление от тяжелого для мирного времени словосочетания «в боевую готовность». Одновременно в таком виде приказ не должен был вызвать окрика из Москвы. По приказу № 00229 в боевую готовность приводилась ПВО округа, средства связи. Помимо традиционных мер Ф.И. Кузнецов предписывал: «создать на телшяйском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Штат этих отрядов, формируемых за счет саперных частей и выделяемых начальником Автобронетанкового управления автотранспортных средств, разработать и доложить мне 19.06.41 г. Готовность отрядов 21.06.41 г.». Также Ф.И. Кузнецов отдал распоряжение по выдвижению

к границе механизированных и стрелковых соединений. В 23:10 16 июня в штаб 12-го механизированного корпуса был доставлен пакет из штаба округа. В 23:00 18 июня соединения и части мехкорпуса выступили в марш, а уже 20 июня вышли в назначенные районы (находившиеся ближе к границе). Также 18 июня был поднят по тревоге и выведен из мест постоянной дислокации 3-й механизированный корпус. Вспоминает боец 2-й батареи 358-го артиллерийского полка 126-й стрелковой дивизии С.С. Мацапура: «18 июня после обеда все подразделения сводного отряда снова были подняты по тревоге. Опять последовал марш-бросок вдоль побережья, погрузка в эшелон. Когда прибыли в Шяуляй, поняли, что едем к границе. Все ребята подтянулись, посерьезнели. От Шяуляя на Каунас и далее ехали с частыми и длительными – иногда на полдня – остановками. В ночь на 22 июня прибыли на место. Заняли огневые позиции близ какого-то литовского городка. Граница, как объяснил командир батареи, была километрах в тридцати. Правее нас и несколько впереди, за сосновым бором, встала на позиции батарея 501-го гаубичного артполка. Там же заняли оборону стрелки и саперы нашего отряда. Где находятся главные силы 126-й дивизии, мы не знали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.